

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



**РУССКАЯ
ПОЭЗИЯ
XVIII века**



Школьная библиотека (Детская литература)

Сборник

Русская поэзия XVIII века

Издательство «Детская литература»

2009

Сборник

Русская поэзия XVIII века / Сборник — Издательство «Детская литература», 2009 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В книгу включены избранные стихотворения русских поэтов XVIII века: А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, М. Хераскова, Г. Державина и др. Для среднего и старшего школьного возраста.

© Сборник, 2009
© Издательство «Детская
литература», 2009

Содержание

Русская поэзия XVIII века	5
Антиох Кантемир	14
Баснь III	17
Сатира I	18
Из Анакреонта	24
О женах	24
О любителях	24
Василий Тредиаковский	25
Стихи похвальные России[37]	28
Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края[41]	30
Ворон и лисица[47]	31
Михаил Ломоносов	32
Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния[51]	36
«Лишь только днёвной шум замолк...»	38
Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года[55]	39
Похвальные надписи	46
Разговор с Анакреоном[74]	47
«Случились вместе два Астронома в пиру...»[82]	53
Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф,	54
Александр Сумароков	55
Две эпистолы	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Русская поэзия XVIII века

Стихотворения

Сборник

Русская поэзия XVIII века



В начале XVIII столетия Россия пережила мощный общенациональный подъем. Уходила в прошлое старая, патриархально-боярская Русь. Перед мужавшей «с гением Петра» молодой Россией разворачивались заманчивые дали будущего процветания. Укреплялась экономика, развивалась промышленность, ширилась торговля. Благодаря военным победам Россия вышла

к морю и, построив флот, превратилась в морскую державу. Ею овладел пафос коренного преобразования. На глазах одного поколения вырастали новые города, менялся облик людей. «Обмирщалась», становилась более светской духовная культура. На этой почве открылся простор для успехов науки, искусства, просвещения. «Россия, – писал Пушкин, – вошла в Европу, как спущенный корабль, – при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благотельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы». Энергия разрушения, «расщепления» старых устоев превращалась в энергию созидания нового европейского государства; были разбужены дремавшие силы народа. Люди петровского времени ощущали свою причастность к большим историческим событиям, прозревая в просвещенном и сильном государстве свое собственное благополучие.

«Россия, – по словам Гоголя, – вдруг облеклась в государственное величие, заговорила громами и блеснула отблеском европейских наук. Все в молодом государстве пришло в восторг... Восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше – он создал ее. Вот почему поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищение от света, внесенного в Россию, изумление от великого поприща, ей предстоящего... С этих пор стремление к свету стало нашим элементом, шестым чувством русского человека, и оно-то дало ход нашей нынешней поэзии, внося новое, светоносное начало...»

Поэзии XVIII века была свойственна та же стремительность в усвоении европейской культуры, то же прославление государства и олицетворяющего его монарха, то же презрение к врагам просвещения, какими была наполнена бурная, энергичная и деятельно-кипучая эпоха – эпоха «великих викторий» и свершающихся перемен во всех областях жизни огромного государства.

Наибольшее воздействие на отечественную поэзию и литературу оказали идеология и творческая практика Просвещения. Русское просветительство формировалось в борьбе с деспотизмом монархии и крепостным правом.

С реформ Петра I начинается новый этап в просвещении России, и семена просветительских идей падают на живительную почву. Русские поэты полны заботой о просвещении отечества, они прославляют науки, искусства и, начиная с А. Кантемира, сатирическим смехом поражают невежественную часть дворянства и духовенства. При этом само просвещение понимается достаточно широко и глубоко – как внедрение прогрессивных идей и высоких нравственных понятий в сознание людей, в их жизнь. Просветительские идеи наполняются вполне конкретным смыслом. Они означают поддержку экономическим и политическим начинаниям Петра I, которые в ту пору служили интересам всей нации, хотя воспользовалось ими прежде всего дворянство.

В Петре русские поэты видели просвещенного монарха, пекущегося о величии всего отечества, всей нации без различия сословий. Петр, просвещенное русское государство, идеальный гражданин, который разделял идеи Петра и нес в себе частицу его преобразовательского огня, стали ведущими героями поэзии XVIII века. Так складывалось искусство русского классицизма с его идеалом разумности и державной организованности бытия.

Мир, как его понимали философы и писатели начала и середины XVIII века, состоял из разных сторон бытия, которые выстраивались в единое целое строго иерархично. Государственная служба, например, занимала более высокую ступень в общественном признании, чем поэтическая деятельность, но обе, однако, считались необходимыми для блага отечества: первая внушала дворянину разумные представления о гражданском долге, вторая воспитывала его чувства. По убеждению мыслителей XVIII века, истинно просвещенное государство исключает противоречия и сама иерархия в нем – знак стройного порядка и гармонии.

В литературе иерархия, свойственная сословному государству, выразилась в резком размежевании жанров, узаконенном эстетикой и практикой классицизма.

В согласии с такими взглядами интересы просвещенного государства объявлялись высшей ценностью, интересы частного человека – второстепенными. Разум, воля, развитое чувство общественного долга, поставленные на службу государству, были возвышены классицизмом, ибо только с их помощью частный человек мог стать полезным слугою отечества, истинным его гражданином.

Классицизм утверждал превосходство общественного над личным, разума – над чувством, «большого» мира государственных забот – над миром «малым», домашним, порядка – над хаосом, цивилизации – над природой.

Все было расчислено. За «высокими» жанрами закреплялось изображение государственной жизни, исторических событий, героических деяний монархов, полководцев, мифологических божеств. Изображению частной жизни – личному, интимному, бытовому – отводились «средние» и «низкие» жанры. Вследствие этого человек не мог быть раскрыт искусством классицизма во всей своей сложности и противоречивости, в полноте связей с жизнью, с реальным бытием, в котором он формировался и складывался как личность.

Гражданская тема неизбежно облекалась в торжественную, похвальную, философскую оду, трагедию или героическую поэму; личная – выражалась в элегиях, посланиях, стансах, песнях; быт – в баснях, былях, сказках, комедиях. Соответственно жанру избирались и стилистические средства: книжная лексика преобладала в одах, трагедиях; разговорно-литературная (с ограниченным допуском как церковнославянизмов, так и простонародных речений) – в элегиях, посланиях, а просторечие допускалось лишь в басни, комедии и другие «низкие» жанры. Ломоносов реформой в области языка художественной литературы ввел в употребление теорию «трех штилей», упорядочив сложившуюся стилистическую и жанровую системы. Это имело глубоко прогрессивное значение, так как способствовало освоению русской поэзией разнообразных явлений жизни.

На удовлетворение той же назревшей потребности была направлена и реформа отечественного стихосложения, произведенная теоретическими и практическими усилиями М. Ломоносова и В. Тредиаковского. Чуждая духу русского языка силлабика сменилась силлабо-тоникой, переход к которой возвращал стих в лоно русской разговорной речи. Если раньше, в XVI–XVII веках, стройность и протяженность поэтического ритма обеспечивалась строго определенным количеством слогов в строке, а сами строки располагались двустопными, скрепленными рифмой («краесловием»), то теперь к этому «показателю» было добавлено и равное число ударений. На смену количественному подходу пришел качественный. Стих укрепился, подтянулся, стал живее и музыкальнее – ведь наш язык отличается подвижностью, непредсказуемостью ударений. Стих, сдерживаемый берегами равного числа слогов, свободно колебался в этих пределах. Так возникло подвижное равновесие отечественного стиха, ставшее основой торжества новых размеров, особенно ямба, усовершенствовать который до классически идеального предстояло Пушкину.

Основание монументального искусства русского классицизма заложили поэты А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов и А. Сумароков.

В одах Ломоносов воспевал Петра и его деятельность. Обращаясь к императрицам, поэт давал им «уроки», как продолжать дело Петра. Одновременно в одах вставал образ самого поэта – ревностного патриота-гражданина, активного и деятельного поборника просвещения, преследующего одну цель – благо отечества.

Оды создавались Ломоносовым обычно на торжественные случаи придворной жизни. Однако традиционная, узаконенная хвалебная форма не мешала поэту развивать излюбленные темы – прославление России и Петра как просвещенного царя. Ломоносова волновало настоящее и будущее страны. Для того чтобы вызвать высокие чувства у своих современников, поэт

возбуждает и «заражает» их тем эмоциональным подъемом, который переживает сам. Страстная речь передает восхищение грандиозными картинами могущества и величия страны, которые открываются взору поэта и приводят его в «пиитический восторг». Лирический подъем постоянно поддерживается риторическими восклицаниями, вопросами, обращениями, неожиданными ассоциациями, аллегориями и уподоблениями, историческими и мифологическими параллелями. Поэт из античной древности переносится в Русь Ивана Грозного, из российских просторов – в знойную Африку. Ломоносов как бы раздвигает время и пространство, включая сиюминутное и насущное в единую и всеобщую жизнь человечества. Динамичность мысли сопряжена в оде с «громозвучностью» слова и пышным великолепием монументальной живописности и пластики. Все это благодаря аллегориям и метафорам вырастает в картины, исполненные величественной красоты.

Ломоносов воспринимал оду как жанр ораторский. Возвышенный строй торжественной оды уносил читателя в мир высоких гражданских и общественных идей. Лирическое «парение», свойственное ломоносовским одам, исключало простоту стиля и композиции. Мысль приобретала «неправильный» полет, подчиняясь восторгу поэта, который как бы непредсказуемо, произвольно перемещал взгляд с одного «высокого зрелища» на другое и был захвачен разнообразием впечатлений. Эта «бесплановость» лирического высказывания, преувеличенность переживаний, стремительная смена предметов восхищения рождали «лирический беспорядок». Подобные отступления подвергал осуждению Сумароков, так как они противоречили нормам и правилам поэтики классицизма с ее установками на ясность, четкость и логическую стройность художественного творения. Но русская ода пошла вслед за нарушавшей «правила» одой Ломоносова. Все известные одописцы, вплоть до В. Майкова и М. Хераскова, в строении оды следовали именно Ломоносову.

Впрочем, и в поэзии Сумарокова самое живое и ценное связано с широким представлением о кодексе классицизма. Но если в оде Сумароков в большей мере держится «правил», то в элегиях, притчах, баснях и особенно в песнях он во многом нарушает их. Песня, по его мнению, должна воздействовать страстью, а не разумом. Конечно, лирические стихотворения Сумарокова еще не свободны от следов рационализма, но в песнях заговорила душа поэта; он смог эмоционально выразить личные, интимные переживания, в пределах одного стихотворения переходя от ямба к хорею и создавая ритмические вариации стиха. Так в поэзии возникал своеобразный музыкальный напев, который нес в себе живую человеческую страсть и передавал неподдельное чувство, перекрывая «разумную» сухость и логическую скованность поэтического словоупотребления и синтаксиса.

В 1760-е годы, при Екатерине II, русский абсолютизм достиг расцвета и могущества. Россия вошла в число первых мировых держав и решала наравне с ними судьбы Европы. Русский двор ослеплял блеском и великолепием. Дворянское сословие получило неслыханные привилегии. Но одновременно чуткое ухо улавливало и глухой ропот социальных низов – заданного и закрепощенного крестьянства, мелкого чиновного, разночинного люда и бедного служилого и неслужилого дворянства. Тысячи крепостных и государственных крестьян раздаривались высшим сановникам и фаворитам, им же доставались титулы и чины, поместья и драгоценности, орденские звезды и баснословные денежные суммы. Основная же масса народа нищенствовала и бедствовала.

Крестьянская война 1773–1775 годов, возглавленная Е. И. Пугачевым, была самым мощным выражением непримиримых противоречий между правящим сословием и подневольным народом. Просветительские идеалы подверглись жесточайшему испытанию. Все большее значение приобретало моральное воспитание дворянства. В начале 1790-х годов обличению и осмеянию подвергались не одни лишь враги прогресса, но и «просвещенное» дворянство, не исполнявшее своего гражданского долга и общественных обязанностей перед государством.

«Благородное» сословие подвергалось острой критике в журналах (например, Н. И. Новикова) и в художественных произведениях еще с просветительских позиций, но антидееспотический характер сатиры был уже очевиден. Стало ясно, что между идеалом просвещенного абсолютизма и реальным бытием пролегла глубокая и все разрастающаяся трещина.

Пугачевское восстание подорвало веру в один из основополагающих принципов просветительской идеологии, согласно которому просвещенный абсолютизм и есть истинно разумная государственная, общественная и социальная система.

Прогрессивный дворянин потерял точку опоры, он перестал видеть в самодержавии источник преобразовательской энергии и вместе с тем боялся народной стихии, ее слепой, на его взгляд, мощи. Дворянская интеллигенция стала искать выход, по словам поэта М. Н. Муравьева, в «наслаждающем размышлении самого себя».

В эстетическом и общественном сознании эпохи классицизма господствовала мысль о том, что принадлежность человека к определенному сословию – благородному или неблагородному – сама по себе обеспечивает его общественное или частное значение. Во второй половине XVIII столетия в среде действительно просвещенного дворянства стала утверждаться идея внесословной ценности человека, неповторимости и сложности его духовного мира.

Стоило только под напором исторических событий и реальной жизни поколебаться сословному представлению о ценности человека, как в эстетических представлениях общества, а следовательно и в поэзии, произошел перелом, и вся логическая стройность эстетики классицизма с ее иерархией жанров и замкнутостью стилей стала разрушаться.

Это особенно хорошо прослеживается на судьбе оды.

Перед поэтами, пришедшими на смену Ломоносову и Сумарокову, открылось несколько возможностей: либо оставить оду и сосредоточиться на «средних» жанрах; либо преобразовать оду и ввести в нее личность автора, характерные приметы его внутреннего мира, присущее ему отношение к природе, людям, быту; либо пародировать похвальную и торжественную оду, сделав предметом ее изображения низкие картины; либо, наконец, похвальной оде предпочесть оду горацанскую или анакреонтическую и воспеть в ней не гражданские подвиги, а «наслаждения жизни».

Русская поэзия XVIII века испробовала и испытала все возможности преобразования оды. Однако все то, что питало оду, переживало кризис; идеал просвещенного царя и просвещенного государства, чем дальше отходила в прошлое Петровская эпоха, становился все более сомнительным и неосуществимым. Должное, идеальное (выразить его предписывали правила классицизма) было бесконечно отдалено от сущего, реального, не имело с ним никаких живых связей и приобретало абстрактный смысл и характер. Так как просветительский пафос угасал, то с ним покидало оду и высокое содержание, превращая жанр в официальный и должностной. Придавая оде изощренную метафоричность, назойливую и нестерпимую «громкость», искусственно форсируемый «восторг», сложность образов и внешний блеск, последователи Ломоносова (и в частности, В. Петров) пытались продлить ее жизнь. Однако подобные формальные эффекты никого не могли обмануть: «надутость», как говорили в старину, неестественность одического пафоса, его холодная риторика стали слишком очевидны.

В русской поэзии XVIII века начинают возникать наряду с торжественной одой горацанские и анакреонтические. У одних поэтов (М. Херасков, Г. Державин) такие оды по своему содержанию приближались к вакхическим и любовным песням, а по форме – лишались трубных звуков, у других – выражали утонченное рассуждение, выдержанное в «легкой» манере. Но в любом случае они вели к общей демократизации поэзии, ибо в основе своей утверждали зыбкость сословных граней между людьми и повышали значение чувств, внутреннего мира частного человека и окружающей его жизни.

Чувствуя исчерпанность старой оды и свою неспособность оживить ее, многие поэты (Е. Костров, Н. Львов и др.) отказываются от этой формы и сочиняют песни, «стихотворения на

случай», любовные элегии, часто с фольклорной окраской. Вообще преобразование оды совпало с широким интересом к народной поэзии, к национально особенному выражению чувств, запечатленному в памятниках устного творчества.

Еще одна возможность открывалась перед поэтами – она состояла в пародировании классицистических жанров и стиля. С подлинно одическим пафосом воспевались теперь «низкие» картины.

Над содержанием и стилем всех жанров поэзии классицизма смеется и издевается поэт И. Барков. Формально сохраняя «правила», перестраивает поэму в комическую, шутливую В. Майков, меняет свои эстетические пристрастия М. Херасков.

В поэзии появляется новый герой – простолюдин, ни в чем не похожий на прежних идеальных трибунов, нравственно безупречных глашатаев истины и долга, просвещенных провозвестников гражданских и патриотических добродетелей, красноречивых проповедников и риториков. Фон, на котором изображалась жизнь персонажей из народа, также делался скромнее: великолепные чертоги, пышные дворцы, затейливые иллюминации, грандиозные пространства, разом обнимаемые восхищенным взором, стали исчезать из поэзии. В нее вторглись ямщики, бурлаки, фабричные люди, кулачные бойцы. В этом пестром людое обнаружилось и недюжинная сила, и дерзкая удаль, и умное лукавство, и размах души.

Вырастает интерес к «средним» и «низким» жанрам. Почти все поэты пишут басни, появляется множество сказок, былей. В литературу хлынула обычная жизнь, хотя зачастую лишь в комическом освещении. Например, И. Хемницер находит, что мир – царство глупости, что он устроен не по законам разума, и потому в его басне никто не учит, не перевоспитывает общество – ни басенные персонажи, ни рассказчик, за которым стоит сам автор.

В пору, когда авторитет идеологии Просвещения еще высок, а классицизм переживает кризис, появляется новое литературное направление – сентиментализм, представленный такими именами, как М. Херасков, М. Муравьев, Н. Карамзин, И. Дмитриев, Ю. Нелединский-Мелецкий и др. Первоначально сентиментализм тесно связан с классицизмом, он наследует его темы, мотивы и образы.

Полагая, что только сострадательность делает людей близкими друг другу, соединяет их, писатели-сентименталисты возвышают интимные чувства.

В отличие от классицистов, сентименталисты считают, что человек по природе, по своему «естеству» добр, поэтому его душевные движения изначально просты, искренни, наивно-благородны, лишены ненависти и жестокости; на основе врожденной добродетели пролагаются пути от сердца к сердцу, складываются общественные и социальные инстинкты, лежащие в фундаменте гражданства и объединения людей в общее целое; все положительное имеет своим источником природное, все отрицательное – искажение природного. Отсюда следовало, что общественное и государственное устройство способно либо содействовать торжеству «природного» (добродетельного) в человеке, либо подавлять исконные побуждения человеческой натуры.

Сосредоточив внимание на природной чувствительности и добрых социальных задатках человека, сентименталисты увидели в них залог идеального общественного бытия и гражданских добродетелей. Любовь к отечеству, утверждали они, проистекает из любви к человеку. Доброго гражданина образуют, по словам Руссо, «добрый сын, добрый муж, добрый отец». Старые мысли о воспитании человека наполнились в поэзии сентименталистов новым содержанием. Они заговорили о воспитании души, нравственном самоусовершенствовании.

Таким образом, сентименталисты исходили из иных теоретических предпосылок по сравнению с классицистами. Но их представление о природе человека было не менее умопостигаемым, иллюзорным и отвлеченным, чем идеал разумного государства у классицистов.

В произведениях сентименталистов проповедовались добродетели «естественного человека» и, главным образом, чувствительность как первоначальный источник альтруистических

склонностей. Поэтому мотивы сострадания, настроения печали и тоски, переживания любви окрашивались у них в подчеркнуто личные тона и выражали авторское отношение к терпящим жизненное крушение персонажам.

Сентименталисты воспевают простой, безыскусственный сельский пейзаж, естественное окружение, мирную тишину, счастье слияния с природой.

Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользок счастья путь, где ров цветами скрыт, —

размышляет М. Муравьев в стихотворении «Ночь».

Интерес к внутренним переживаниям человека привел сентименталистов к пересмотру жанровой системы классицизма: ода наполнилась трогательным содержанием и «приятными» эмоциями, но все же отошла на второй план, а на первый выдвинулись жанры элегии, послания, песни и романа, высокие образцы которых создали М. Муравьев, Н. Карамзин, И. Дмитриев.

Одновременно выявились и слабости сентиментализма: подчеркнутая чувствительность видится им едва ли не единственным средством исправления социальных противоречий, а сочувствие перерастает в прекраснотушное мечтательство, в созерцательную меланхолию, сопровождаемую вздохами и слезами. Это неизбежно приводит к тому, что «большой мир» вытесняется из «малого мира», и желаемое единство между личностью и обществом оказывается нереализованным.

Действительность же настоятельно напоминала, что полнота внутренней жизни невозможна без участия отдельного человека в исторических судьбах страны. Перед просвещенным русским дворянином – современником Суворова, помнившим Петра I и его соратников, Ломоносова, – неизбежно вставал вопрос, обращенный Д. Фонвизиним (Собеседник любителей русского слова. 1783) к Екатерине II: «В чем состоит наш национальный характер?» Фонвизин пристрасно вопрошал императрицу о том, почему падают нравы, почему глупцы и льстецы приближены к трону и допущены к управлению государством, почему процветают взятки в присутственных местах, почему, наконец, в судах торжествует явная несправедливость и незнатные и бедные люди нигде не могут найти защиты. Жар общественных и гражданских страстей не остывал в душах поборников славы отечества. Только теперь за высшие интересы государства и нации вступался не абсолютизм. Равнодушию вельмож и сановников к реальным нуждам российского населения в русской поэзии были противопоставлены просвещенный разум и благородные порывы частного человека. «Большой» и «малый» миры вступили в живое и плодотворное для исторических судеб России и для поэзии соприкосновение. Жизнь сердца, оказалось, могла быть богатой, насыщенной острыми и драматическими переживаниями.

Этот переворот в поэзии XVIII века открылся лирикой Г. Державина.

Поэт слил воедино волновавшие его «общие» чувства с чувствами обыкновенного, «домашнего» человека. В лирику Державина вошла его собственная жизнь, образ поэта создавался не как отрешенный от всякой обыденности и житейской прозы, но в единстве с ними и через них. Именно биографическое начало сообщило высоким идеям и просвещенным стремлениям душевную откровенность и неподражаемую искренность. Должностной оде крикливых казенных одописцев Державин нанес сильнейший удар.

В знаменитой оде «Фелица» «полезные дни», которые «богоподобная царица» посвящает благу отечества, неотрывны от ее человеческих добродетелей и выступают как бы прямым их следствием. Между тем поэт (а на него «весь свет похож») удручен внутренним раздором, он не в силах «укрощать страстей волненье» и «пышно и правдиво жить»:

Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою.
А завтра прихотям я раб.

Похвальная ода Державина воспела личные качества Фелицы, которые определяли разумные ее дела на благо подданных и государства: ведь реальное поведение человека обусловлено не только велениями разума, но и характером частного бытия, «малым» миром домашней жизни, которые могут решительно повлиять на исполнение долга. Поэтому «души богатство» мыслится выше абстрактных просветительских представлений. Внося биографические черты в оду, Державин преобразовывал ее. Предметом оды стало его личное отношение к Екатерине, в которой он хотел видеть просвещенную императрицу. В оду естественно вливаются быт и сатира, обогатившие жанр и наполнившие его непосредственно освоенным жизненным опытом Державина-человека и Державина-гражданина. Русский человек в лирике Державина представлен частью общественного и вселенского целого и одновременно остается простым смертным, погруженным в обычные заботы.

Смысл поэзии Державина – «отца русских поэтов», как назвал его Белинский, – в единстве общественного и частного человека, при подчинении личного общему. Державин сломал перегородки между «поэтической» и «прозаической» областями, признав достойными поэзии и ту и другую.

В целом для поэзии конца XVIII века, несмотря на громадные идейно-художественные достижения и подлинный взлет мысли, выражение индивидуального характера в единстве его гражданских и личных начал оставалось во многом недоступным. Для русских лириков того времени, как, впрочем, и для просветителей вообще, понятие «русский человек» еще ограничивалось представлениями «русский дворянин» (классицисты) и «чувствительная личность» (сентименталисты). Между тем значение слов «русский человек» уже было шире каждого из этих понятий. Державин сделал новый шаг в понимании национального характера: он представил русского дворянина и обычным человеком в домашнем быту, и патриотом отечества, и одновременно частью вселенной. Но быт для Державина – а поэты конца XVIII века следовали за ним – сводился к внешним приметам, а человек, при всей естественности его изображения, – к совокупности живописно схваченных биографических подробностей. Цельность и полнота внутренней жизни человека в русской поэзии XVIII века еще не были раскрыты.

Эти трудности, с которыми столкнулась русская поэзия, не в последней степени зависели от необработанности поэтического языка чувств, не передававшего сложные оттенки, утонченность переживаний. Тогдашний литературный язык, строго разделенный ломоносовской реформой на три «штиля», с течением времени стал преградой богатству, разнообразию, тонкости выражения эмоций.

Н. Карамзин, вдохновляясь национально-патриотическими настроениями и связывая их с дальнейшим просвещением России, выступил в 1802 году со статьей «Отчего в России мало авторских талантов?», в которой ответил на поставленный вопрос так: «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими деталями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли». И далее побуждал усовершенствовать стиль. Реформа Карамзина развивала литературный язык, вносила в него новые европейские понятия и была направлена на упразднение устаревших языковых норм.

Русская поэзия XVIII–XX веков – бесценная часть мирового культурного достояния. Дорогие нашему народу идеи гражданственности и гуманизма, глубина и напряженность духовных исканий, вечная потребность в красоте обрели в поэтическом наследии классиков самобытную, художественно отточенную форму. Богатство содержания, чистота голоса, непод-

дельная искренность и свежесть интонаций, жанровое и ритмическое разнообразие – все это придало русской поэзии неповторимость и уникальность в ряду художественных достижений человечества.

В. Коровин

Антиох Кантемир (1708–1744)



Антиох Дмитриевич Кантемир родился в семье господаря (правителя) Молдавии, перешедшего во время русско-турецкой войны 1711 года на сторону Петра I и после неудачного Прутского похода переселившегося вместе с семьей в Россию. Петр высоко ценил отца Кантемира («оный господарь – человек зело разумный и в советах способный»), наделил его обширными поместьями на юге России и приблизил к себе. Кантемир, попав в Россию в 4-летнем возрасте, обрел в ней свою подлинную родину. Будущий сатирик получил блестящее образование сначала под руководством домашних учителей, грека Анастасия Кондоиди и Ивана Ильинского (воспитанника московской Славяно-греко-латинской академии), а затем в

Петербургской Академии наук, прослушав в 1724–1725 годах лекции профессоров по математике, физике, истории, нравственной философии. В 1725 году Кантемир поступил на военную службу, в 1728-м был произведен в поручики (первый офицерский чин). В 1730 году Кантемир вместе с другими членами «Ученой дружины» (Феофаном Прокоповичем и историком Татищевым) принял деятельное участие в борьбе против «затейки» «верховников» – врагов петровских реформ, пытавшихся при вступлении на престол Анны Иоанновны ограничить самодержавие в корыстных интересах дворянских олигархов. В этой борьбе победу одержало новое дворянство, но сам Кантемир никаких личных наград не получил. В конце 1731 года Кантемира назначили резидентом (дипломатическим представителем) в Лондон, куда он выехал 1 января 1732 года.

Это назначение было вызвано желанием правящих кругов удалить опасного сатирика из России. Двенадцать лет (шесть в Англии и шесть во Франции) достойно отстаивал Кантемир интересы России за границей, проявив себя талантливым дипломатом.

Литературная деятельность Кантемира началась с переводов, а также с создания любовных песен. Любовные стихи Кантемира пользовались большой популярностью у его современников (что засвидетельствовал сам поэт в своей IV сатире), но до нашего времени не дошли. Первым же его печатным произведением была «Симфония на Псалтырь» (указатель к стихам из псалмов Давида), изданная в 1727 году. В 1730 году Кантемир закончил перевод трактата Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», в котором отстаивалась гелиоцентрическая система Коперника. Этот труд был опубликован только в 1740 году, а в 1756-м по решению Синода как «богопротивная книжичища», полная «сатанинского коварства», был конфискован. Характерно, что именно в периоды временного ослабления реакции кантемировский перевод Фонтенеля был издан еще дважды (в 1761 году, после смерти Елизаветы Петровны, и в 1802-м). Перу Кантемира принадлежат также ряд эпиграмм и басен, переводы песен (од) Анакреона, посланий Горация, «Персидских писем» Монтескье, теоретический трактат о «сложении стихов русских». Самым значительным в творческом наследии Кантемира являются его сатиры, принесшие их автору широкую литературную известность и общественное признание. Им написано девять сатир: пять первых – с 1729 до 1732 года, остальные четыре – в 1738–1739 годах. Сатиры Кантемира были тесно связаны с русской национальной сатирической традицией и с жанровой формой стихотворной сатиры, выработанной поэтикой европейского классицизма на основе античных образцов. Но использование классической стихотворной формы сатиры, частичное следование «образцам» («наипаче Горацию и Боалу, французу») не мешали Кантемиру наполнить свои произведения отечественным содержанием («что взял по-галльски – заплатил по-русски», – «Автор о себе», эпиграмма I) и передовыми идеями своего времени. Поэтому в своих сатирах Кантемир не только осмеивал в духе классицизма абстрактные общечеловеческие пороки (ханжество, скупость, лицемерие, расточительность, леность, болтливость и т. п.), но, что особенно ценно, обличал пороки современной ему русской действительности. Страстный поборник просвещения, Кантемир в первую очередь обрушивался на тех, кто после смерти Петра пытался вернуть Россию к дореформенным порядкам.

Неудивительно, что сатиры Кантемира, в которых резко и мужественно вскрывались общественные пороки, так и не были напечатаны при жизни поэта, но получили широкое распространение в России в многочисленных списках и, по свидетельству М. В. Ломоносова, были «в российском народе с общей апробацией приняты». Первое русское издание произведений Кантемира появилось только в 1762 году, когда его имя приобрело европейскую известность благодаря прозаическому переводу сатир на французский язык.

Для сатир Кантемира характерным является широкое использование просторечия, поговорок и пословиц, близость к разговорному языку того времени и вместе с тем излишняя усложненность, а порой и запутанность синтаксических конструкций. Сознательное стремление поэта писать свои сатиры «простым и народным почти стилем», сведение в них к мини-

муму славянских элементов определили существенную роль Кантемира в истории русского литературного языка. В трактате о «сложении стихов русских» (1744) Кантемир показал большие познания в вопросах теории поэзии, но не принял предложенный Тредиаковским новый «тонический» принцип сложения стихов, хотя и почувствовал организующую роль ударения в стихе.

Творчество сатирика носило осознанно гражданский характер («Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может», – заявил сам Кантемир) и оказало большое влияние на дальнейшее развитие обличительного направления в русской литературе. В надписи Г. Р. Державина к портрету Кантемира справедливо сказано: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок! Не подходи: сей взор тебя ужалит». В истории русской литературы Кантемир занимает почетное место: он «первым свел поэзию с жизнью» (Белинский).

В. Федоров

Баснь III

Верблюд и лисица¹

Увидев верблюд козла, кой, окружен псами,
Храбро себя защищал против всех рогами,
Завистью тотчас вспылал. Смутен, беспокоен,
В себе ворчал, идучи: «Мне ли рок пристоен
Так бедный? Я ли, что царь скотов могу зваться,
Украсы рогов на лбу вытерплю лишаться?
Сколь теми бы возросла еще моя слава!»
В таких углубленному помыслах, лукава
Встрелась лисица, и вдруг, остра, примечает
В нем печаль его, вину тому знать желает,
Всю возможную сулит ревностну услугу.
Верблюд подробно все ей изъяснил, как другу.
«Подлинно, – сказала та, – одними ты скуден
Рогами, да знаю в том способ я нетруден.
В ближнем, что видишь, лесу нору близ дороги
Найдешь; в нее голову всунув, тотчас роги
На лбу будут, малый страх претерпев без раны.
Там свои берут быки, козлы и бараны».
Лестный был ея совет; лев жил в норе хищный;
Да в голове, что рога ищет, ум нелишний.
Верблюд скоком побежал в лес, чтоб достать скору
Пользу, в нору голову всунул без разбору;
Рад добыче, лев тотчас в гостя уцепился,
С ушами был тогда верблюд – в них ногтями вцепился.
Тянет лев, узнал верблюд прелесть, стало больно;
Дерет из щели главу, та идет не вольно.
Нужно было, голову чтоб вытянуть здраву,
И уши там потерять, не нажив рог славу.
Славолюбцы! вас поют, о вас басни дело,
Верблюжее нанял я для украсы тело.
Кто древо, как говорят, не по себе рубит,
Тот, большого не достав, малое погубит.

¹ Верблюд и лисица – Впервые – изд. 1762 г. В басне намекается на попытку членов Верховного тайного совета во главе с Долгорукими установить после смерти Петра II свое правление в России. Затея этой олигархической клики кончилась крахом. В феврале 1730 г. при активном участии Кантемира, Татищева и Прокоповича была восстановлена самодержавная власть Анны Иоанновны.

Сатира I

На хулящих учения к уму своему²

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводить,
Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр³. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе⁴ надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлон славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту⁵
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает⁶,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к Божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, Библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подавая священному чину;

² Сатира I. На хулящих учения. К уму своему – Первая редакция относится к 1729 г., окончательная – к 1743-му. Кантемир обычно дает два названия своим сатирам. Первое из них – тематическое, второе – адресат. Писатель снабдил сатиру примечаниями, часть которых воспроизводится.

³ *Всех неприятнее тот, что босы проклали Девять сестр.* – «Девять сестр – музы: Клио, Урания, Евтерпа, Ерато, Талия, Мельпомена, Каллиопа и Полигимния» – см. Словарь.

⁴ *В нашем молодом монархе.* – Речь идет о Петре II.

⁵ *Чтяща свою свиту Видел его самого.* – «Под свитой Аполлона подразумеваются музы Жителей парнасских». – Речь идет о музах.

⁶ *Критон с четками в руках ворчит.* – «Вымышленным именем Критона... означает тут притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти». (Примеч. авт.)

Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают⁷
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали»⁸.
Силван другую вину наукам находит⁹.
«Учение, – говорит, – нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, – должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах – подлых¹⁰ то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей вывести премену
Иль причину, – глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веде¹¹ —
Можно знать различие злата, серебра, меди.
Трав, болезней знание – голы все то враки;
Глава ль болит – тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеет ли – кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно – жар в теле; ответ смело
Дает, хотя внутри никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни к стати за одним ночь пятном не спать целу,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года

⁷ *Мирскую в церковных власть руках лишку чают...* – Мирскую власть считают лишней в руках Церкви.

⁸ *Поместья и вотчины весьма не пристали.* – В начале XVIII в. Церковь владела огромными земельными угодьями. Петр I ограничил церковные землевладения и установил государственный контроль над ними, что вызвало гнев церковников. Критон, разделяя позиции Церкви, осуждает противников ее могущества.

⁹ *Сильван другую вину.* – «Под именем Сильвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, осуждая то, что к распространению его доходов не служит». (Примеч. авт.)

¹⁰ *Подлых* – то есть недворян.

¹¹ *Буки, веде* – названия букв «б» и «в» в церковно-славянской азбуке.

Число месяца и час солнечного восхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле – без алгебры счислим».
Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает¹²:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу Божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей¹³ – живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок¹⁴ да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга – на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино – дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу¹⁵, —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».
Медор¹⁶ тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменил на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Virgilius не стоит¹⁷;
Рексу – не Цицерону похвала достоин¹⁸.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего, я уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала, – без того сердце унывает.

¹² Румяный, трижды рыгнув, Лука подпевает. – «Лука – пьяница, с вина румяный, и с вина, часто рыгая, говорит и проч.». (Примеч. авт.)

¹³ Для мертвых друзей. – «То есть для книг». (Примеч. авт.)

¹⁴ Песок. – Песком присыпали написанное, чтобы чернила быстрее просыхали.

¹⁵ Когда в пост чернец одну есть станет вязигу. – Монахи в период поста не употребляли в пищу мясо.

¹⁶ Медор. – «Щеголь тем именем означен». (Примеч. авт.)

¹⁷ Пред Егором Virgilius. – «Егор был славный сапожник в Москве, умер 1729 г.». (Примеч. авт.) Virgilius – см. Словарь.

¹⁸ Рексу – не Цицерону. – «Рекс был славный портной в Москве, родом немчин...» (Примеч. авт.) Цицерон – см. Словарь.

Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу Святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить, – да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчезь смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые¹⁹,
И им же Фемис вески вверила златые²⁰,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть – уберися в рясу²¹,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком²² покрой главу, брюхо – бороною,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву²³.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпись позабудет²⁴,
От чего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьейю стать – вздень перук с узлами²⁵,
Брани того, кто просит с пустыми руками²⁶,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,

¹⁹ *Ключари святые*. – «Церковные пастыри, епископы». (Примеч. авт.)

²⁰ *Им же Фемис вески вверила златые*. – Имеются в виду судьи.

²¹ *Епископом хочешь быть – уберися в рясу...* – В образе епископа воплощены черты реального лица – Георгия (Егора) Дашкова (ум. 1739), ростовского архиепископа, державшегося крайне реакционных взглядов.

²² *Клобук* – высокая шапка с покрывалом, надеваемая епископами.

²³ *Праву и леву* – то есть по правую и левую руку, на правую и левую стороны.

²⁴ *Выпись позабудет*. – «Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.». (Примеч. авт.)

²⁵ *Вздень перук с узлами* – то есть надень судейский парик с буклями.

²⁶ *Кто просит с пустыми руками* – «то есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит». (Примеч. авт.)

Что подъячим должно лезть на бумажны горы²⁷,
А судье довольно знать крепить приговоры²⁸.
К нам не дошло время то, в коем председа
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство – мудрость одолело,
Науку невежества местом уж посело²⁹,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном³⁰, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна – пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая вышша степень – мзда уж невелика,
Семи мудрецов³¹ себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, – кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет³²,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным³³,
Смысла дело набело списать письмом ясным³⁴.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр³⁵ случилось имети,
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,

²⁷ *Лезть на бумажны горы* – «то есть шевелить, читать такое множество книг». (Примеч. авт.)

²⁸ *Крепить приговоры* – подписывать приговоры, скреплять приговоры подписью.

²⁹ *Науку невежество местом уж посело...* – то есть невежество одолело науку.

³⁰ *Судит за красным сукном.* – «Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном». (Примеч. авт.)

³¹ *Семи мудрецов.* – Имеются в виду: Фалес, Питакус, Биас, Солон, Клеобул, Минос и Хилон.

³² *Воин ропщет, что своим полком не владеет...* – то есть не командует.

³³ *Писец тужит, что за сукном не сидит красным...* – Писец (подъячий) тужит о том, что еще не стал судьей.

³⁴ *Письмом ясным.* – «Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому принадлежат, что и не нужно, то чают; для того, если желаешь какую книгу неразуметь, отдай ее подьячему переписать». (Примеч. авт.)

³⁵ *Семь бояр.* – «Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении, потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили». (Примеч. авт.)

Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую³⁶,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729

³⁶ *Изъясняя тую...* – то есть изъясняя пользу наук.

Из Анакреонта

О женах

Природа быкам – рога,
Копыта дала коням,
Зайцам – ноги быстрые,
Львам – свирепы челюсти,
Рыбам – плавать искусство,
Птицам – удобность летать,
Мужам – рассуждение.
Женам дала ль что? – Дала!
Что ж такое? – Красоту,
Вместо всякого ружья,
Вместо всякого щита:
Красавица бо и огонь
И железо победит.

О любителях

Кони убо на стегнах
Выжженный имеют знак,
И парфянских всяк мужей
По шапке может узнать.
Я же любящих тотчас,
Лишь увижу, познаю;
Того бо, что, бедные,
В сердце скрывают своим —
На лице видится знак.

Василий Тредиаковский (1703–1769)



Осенью 1730 года в Петербурге был опубликован перевод галантно-любовного романа французского писателя Поля Тальмана «Езда в остров Любви». Этот роман стал первым печатным произведением художественной литературы в России (до тех пор она распространялась только рукописным путем) и быстро завоевал широкую популярность, прежде всего среди дворянской молодежи, а его переводчик Василий Кириллович Тредиаковский столь же быстро был объявлен реакционерами «первым развратителем русской молодежи». Еще долго они будут преследовать поэта и угрожать ему. («Прольется ваша еретическая кровь», – обещал Тредиаковскому архимандрит Малиновский.) Характерно, что выбору Тредиаковского для перевода сугубо светского по содержанию произведения не помешали ни тот факт, что он по происхож-

дению был попович (он родился в Астрахани в 1703 году, в семье священника), ни то обстоятельство, что первоначальное образование получил в астраханской католической школе монахов-капуцинов, а затем три года (1723–1725) обучался в московской Славяно-греко-латинской академии.

Увлеченный словесностью, Тредиаковский, вопреки настояниям отца, мечтавшего о духовной карьере для сына, поступил в академию в класс риторики. Там он сочинил первые стихи и две драмы – «Язон» и «Тит», плач о смерти Петра Великого и несколько веселых песенок.

Неуемная жажда знаний заставляет Тредиаковского сначала бежать из родительского дома, а потом, в 1726 году, подобно молодым героям «петровских повестей», решиться на отважный шаг – отправиться за границу без необходимых к тому средств, полагаясь только на свой «острый разум».

Оказавшись в Голландии, в доме русского посланника, Тредиаковский около двух лет занимался французским языком и знакомился с европейской литературой. Затем он отправился «пеш за крайнюю уже своей бедностью» в Париж. Здесь ему удалось определиться секретарем у русского посла князя А. Б. Куракина и, что особенно важно, посещать лекции в Сорбонне (Парижском университете), приобщиться к передовым для того времени философским, эстетическим взглядам, к достижениям в области филологии и искусства. Большая часть стихотворений этого времени написана на французском языке.

Несмотря на пользу и радость от пребывания в Париже, Тредиаковский постоянно в мыслях обращается к отечеству. Характерны в этом плане два стихотворения, написанные поэтом во Франции почти в одно и то же время. В одном из них – «Стихах похвальных Парижу» – автор с нескрываемой иронией воспекает Париж: «Красное место! Драгой берег Сенский! Где быть не смеет манер деревенских». Другое же стихотворение – «Стихи похвальные России» – одно из самых проникновенных, глубоко патриотических произведений не только молодого Тредиаковского, но и всей молодой русской поэзии.

Вернувшись на родину, Тредиаковский с жадностью включился в общественно-литературную жизнь России и проявил себя как новатор и экспериментатор в области поэзии и филологической науки. Он во многом содействовал становлению русского классицизма. Объясняя читателям, почему роман «Езда в остров Любви» он перевел «не словенским языком», «но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим», Тредиаковский обосновал свою языковую позицию: «Язык словенский у нас церковный, а сия книга мирская». Тем самым он сформулировал впервые одно из основных требований классицизма – единство содержания и формы, понятого как соответствие темы произведения жанру и стилю. Плодотворной была и мысль писателя об опоре литературного языка на разговорную речь.

После издания романа Тредиаковский получил место переводчика Академии наук, а спустя три года занял должность секретаря академии.

Последующая жизнь Тредиаковского была трудна и унижительна, так как зависела от прихотей и власти вельмож. Он испытывал на себе пренебрежительное отношение сановников, писал стихотворения на случай, для поздравлений, переводил бессмысленные комедии для придворных спектаклей и воинские уставы. Эти никчемные занятия создавали ощутимые помехи его писательской и научной деятельности. Тем не менее Тредиаковскому удалось все же совершить целый ряд открытий.

Наибольший вклад в развитие русской поэзии внес Тредиаковский начатой им реформой силлабического стиха.

В 1734 году он написал необычным размером поздравительное стихотворение, а в 1735-м опубликовал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...». В своем трактате Тредиаковский произвел коренную реформу русского стихосложения, введя в него тоническую систему. При этом основывался он на опыте изучения западной поэзии, но сама мысль о при-

менении тонического ритма к русскому стиху была подсказана (как он сам отмечал) наблюдениями над ритмом русских народных песен. Тредиаковский предложил для русского стиха понятие стопы («Стих начавшего стопой прежде всех в России», как сказано в надписи 1766 года к его портрету).

Реформа Тредиаковского носила половинчатый характер: «тонический» принцип был распространен только на длинные стихи из 11 или 13 слогов, рифма рекомендовалась женская, из всех 5 стихотворных размеров предпочтение получил хорей.

Эта неполнота теории Тредиаковского была замечена Ломоносовым. Под влиянием его критики, переиздавая свой труд, Тредиаковский внес много изменений. В ту же пору он посвятил ряд работ теории жанров, поэтической речи, углубив принципы русского классицизма.

Между тем положение Тредиаковского в академии все более осложнялось. Причиной тому было засилье иностранцев и проигранное на поэтическом поприще состязание с Ломоносовым и Сумароковым. Лишь в 1745 году Тредиаковскому удалось «первым из россиян» стать профессором (то есть академиком) «как латинския, так и российския элоквенции» (красноречия). С 1746 года он приступил к чтению лекций по истории и теории ораторского искусства и поэтике. В 1755 году Тредиаковский издал трактат «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», посвященном истории стихотворства в России, и двухтомное собрание своих сочинений. Однако успехи в науках не изменили отношения к нему в академии, и с 1757 года он перестал ее посещать. Объясняя свой шаг, он с глубокой горечью писал: «Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, осуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, всеконечно уже изнемог я в силах...» Спустя два года его уволили из академии. Тредиаковский не бросил литературных занятий, но оказался в тяжелейшей нужде, добывая пропитание уроками. Умер писатель в Петербурге.

Тредиаковскому принадлежат также научные труды и переводные сочинения. Наиболее значительные из них – «История древнего мира» Роллена, «Аргениды» Барклая и книга о Бэконе. В оригинальных художественных произведениях писатель не всегда достигал чистоты и гармонии слога, хотя отдельные места в стихах и прозе дышали подлинным чувством, отличались силой и смелостью. Вместе с тем Тредиаковский вызывающе нарушал законы русского синтаксиса, что делало его стихи совершенно непонятными. Особенной темнотой отличался его язык в «Тилемахиде», над чем справедливо потешались современники и потомки.

Популярность Тредиаковского резко упала с появлением в русской литературе более талантливых Ломоносова и Сумарокова. Многие стихи его стали объектом для насмешек. Особенно усердствовала Екатерина II и ее литературное окружение. Но в данном случае стремление императрицы скомпрометировать Тредиаковского как поэта было вызвано скорее всего не художественной стороной его произведений, а их идейной направленностью. Так, в «Тилемахиде» (знаменитый политический роман французского писателя Фенелона «Похождения Телемаха» Тредиаковский перевел стихами, что позднее вызвало горячее одобрение Пушкина) писатель создал впечатляющую картину преступных царей; поверженные в Тартар, эти цари в зеркале истины «смотрели себя непрестанно», и были они «гнуснейши и страшилищны» больше, чем многие чудовища и даже «тот преужасный пес Кервер» (Цербер. – В. К. и В. Ф.).

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Не случайно именно этот стих с небольшим изменением использовал Радищев в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву».

При жизни Тредиаковский не был по достоинству оценен, но потомки воздали должное этому замечательному патриоту, всем сердцем любившему Россию и много сделавшему для ее просвещения и культуры. Среди тех, кто с уважением и почтением отнесся к его деятельности, были Радищев и Пушкин.

В. Коровин и В. Федоров

Стихи похвальные России³⁷

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты!

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно³⁸!
Небу Российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила
И лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоём высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светлю изводство³⁹.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя⁴⁰,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.
Чем ты, Россия, неизобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И Россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая!

³⁷ Стихи похвальные России – Написано в Париже (1728).

³⁸ Красно – прекрасно, красиво.

³⁹ Изводство – произведение, создание.

⁴⁰ В тебе не будет веры двойныя... – то есть в тебе не будет двух вероисповеданий. Этот стих нацелен против иезуитов, которые хотели подчинить Русскую Православную Церковь католическому Риму.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

1728

Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края⁴¹

Весна катит,
Зиму валит,
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Взрыты брѣзды,
Цветут грозды,
Кличет щеглик, свищут дрозды,
Льются воды,
И погоды;
Да ведь знатны нам походы⁴².

Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.
Ну ж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно.
Ах! широки
И глубоки
Воды морски, разбьют боки,
Вось заставят,
Не оставят
Добры ветры и приставят⁴³.

Плюнь на суку
Морску скуку⁴⁴,
Держись черней, а знай штуку⁴⁵:
Стать отишно
И не пышно⁴⁶;
Так не будет волн и слышно.

Весна 1726

⁴¹ Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края – Написана незадолго до «бегства», как утверждало начальство духовной академии, за границу.

⁴² *Да ведь знатны нам походы* – то есть морские походы нам известны; мы ходили в море.

⁴³ *Добры ветры и приставят* – здесь: приведут к пристани.

⁴⁴ *Морску скуку* – то есть морскую болезнь.

⁴⁵ *Держись черней, а знай штуку* – веди курс к земле, знай лоцманское искусство.

⁴⁶ *Стать отишно и не пышно...* – поставить корабль в затишье и свернуть паруса.

Ворон и лисица⁴⁷

Негде Ворону унести сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещбу еще также похваливши,
«Прямо, – говорила, – птицею почту тебя
Зевсовою⁴⁸ впредки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон, похвалой надмен, мня себе пристойну⁴⁹,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех»⁵⁰.

⟨1752⟩

⁴⁷ Ворон и Лисица. – Написана на сюжет басни «Лиса и Ворон» Федра.

⁴⁸ ... *Птицею почту тебя Зевсовою*... – то есть орлом.

⁴⁹ *Ворон похвалой надмен, мня себя пристойну*... – Ворон исполнился надменности от похвалы, считая, что к нему она вполне пристала.

⁵⁰ ... *Без сердца мех*... – то есть всего лишь чучело.

Михаил Ломоносов (1711–1765)



Михаил Васильевич Ломоносов родился 8(19) ноября 1711 года в деревне Денисовка, близ Холмогор, около Архангельска, в семье государственного крестьянина, который занимался земледелием и рыбным промыслом. Ломоносов помогал отцу и выходил с ним на небольшом судне в океан. Уже в детские годы он выучился грамоте, мог читать и писать. В декабре 1730 года без ведома отца ушел в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Крестьяне не получали в нее доступа, но Ломоносов скрыл свое «низкое» происхождение. За пять лет он прошел восьмилетний курс обучения, овладел латынью и успешно усвоил другие науки. Закончив обучение в Славяно-греко-латинской академии, он был в 1736 году

послан в Германию для изучения механики, физики, химии, горного дела и языков. В июне 1741 года он вернулся в Петербург.

С этого времени началась его блестящая академическая деятельность. В 1745 году он становится профессором химии. Научные открытия следуют одно за другим. Диапазон исследований ученого необычайно широк: химия и физика, навигация и мореплавание, астрономия, история, филология. Нет, пожалуй, такой области знания, куда бы не проник светлый ум Ломоносова. По его инициативе был открыт в 1755 году Московский университет. Впрочем, он сам был, по глубокому и верному замечанию Пушкина, «первым нашим университетом». Действительно, Ломоносову присущ поистине энциклопедический размах. «Этот знаменитый ученый, – писал Герцен, – был типом русского человека как по своему энциклопедизму, так и по остроте своего понимания».

Смыслом жизни Ломоносова до самого последнего дня было «утверждение наук в отечестве», которое он считал залогом процветания своей родины. Тем же пафосом просвещения проникнута его филологическая и поэтическая деятельность. Многостороннее дарование Ломоносова проявилось в этих областях с исключительной силой и подлинным новаторством. Ученый стремился проникнуть и в тайны языка, и в загадки стихотворства. Еще в 1736 году он приобрел трактат теоретика русского стиха В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», который его чрезвычайно заинтересовал.

В Германии Ломоносов написал возражение Тредиаковскому и отослал в Петербург вместе с одой «На взятие Хотина» в качестве отчета о своих занятиях. В «Письме о правилах русского стихотворства» (1739) Ломоносов смело распространил тонический принцип на все русское стихосложение (Тредиаковский считал, что можно пользоваться только двустопными стихами, главным образом хореическими). Ломоносов блестяще показал выразительные возможности ямба и умело применил сочетание мужских и женских рифм, тогда как Тредиаковский настаивал на употреблении одних женских рифм. Использовал Ломоносов и дактилические рифмы. Он хотел дать простор русскому стиху.

В 1758 году Ломоносов пишет предисловие к собранию сочинений «О пользе книг церковных в российском языке», в котором излагает знаменитую теорию «трех штилей». В основу реформы литературного языка Ломоносов положил общенациональный язык. В русском языке, согласно его мнению, слова по стилистической окраске могут быть разделены на несколько родов. К первому он отнес лексику церковно-славянского и русского языка, ко второму – знакомые по книгам и понятные церковно-славянские слова, но редкие в разговорном языке, к третьему – чисто русские слова, которых нет в церковных книгах. Отдельную группу составили слова простонародные, которые только ограниченно могли употребляться в сочинениях. Совсем почти исключает Ломоносов из литературной письменной речи устаревшие церковно-славянские слова и вульгаризмы. В зависимости от количественного смещения слов трех родов создается тот или иной стиль: «высокий» – церковно-славянские слова и русские, «средний» – русские слова с небольшой примесью церковно-славянских, «низкий» – русские слова разговорного языка с добавлением простонародных и малого числа церковно-славянских.

Каждому «штилю» соответствуют свои жанры: «высокому» – героические поэмы, оды, трагедии; «среднему» – драмы, сатиры, эклоги, дружеские письма, элегии; «низкому» – комедии, эпиграммы, песни, басни.

Реформы Ломоносова в сферах литературного языка и стихосложения отвечали культурным потребностям нации. Для выражения значительного общественного содержания были необходимы новые литературные жанры, и Ломоносов открывал перед поэзией широкие художественные горизонты. Вместе с тем филологическая деятельность ученого имела и более широкий смысл: в ней отразился дух преобразования, характерный для послепетровской эпохи, в которую развернулось научное и поэтическое творчество Ломоносова.

Главной преобразовательной силой Ломоносов считал человеческий разум, которому все подвластно. Поэт, в представлении Ломоносова, не может ограничиться воспеванием одних лишь интимных движений человеческого сердца, его должны волновать и одушевлять события, имеющие важное значение для всего государства, всей страны.

Тема могущества и величия России, патриотический пафос «пользы общества» сочетались в поэзии Ломоносова с прославлением Петра I как просвещенного государя. Основной лирический тон его произведений – торжественный. Наиболее достойным жанром для громкого, публичного выражения чувства национальной гордости «сынов российских», отстаивавших независимость родины от внешних врагов и в наступившем «покое» устремленных к просвещению, стала торжественная ода. Хотя Ломоносов писал и трагедии («Тамира и Селим», «Демофонт»), и героические поэмы («Петр Великий»), и идиллии («Полидор»), именно ода – похвальная и духовная – была главным лирическим жанром в его творчестве. Близки к ней короткие похвальные надписи.

Похвальные оды слагались поэтом на торжественные случаи придворной жизни. Однако традиционная форма похвалы монархам не мешала поэту развивать свои любимые темы. Поэт не искал монарших милостей, чинов, наград; лесть была ему чужда. Похвала в его одах наполнялась новым содержанием и не столько утверждала идиллическую картину благоденствия русской нации, сколько звала к новым преобразованиям в духе Петровых дел. Прогресс страны, развитие наук, распространение просвещения, рост промышленности, по мнению поэта, делают Россию могущественной и счастливой.

Именно поэтому похвальная ода под пером Ломоносова не стала «должностным жанром».

Мысль поэта, вовлекая в свой поток разнообразие исторических имен, античных и библейских ассоциаций, полна стремительного движения, не знающего временных и пространственных преград. Она как бы «парит» над всем миром и легко выхватывает из мировой истории все, что способно в данную минуту убедить, взволновать, восхитить яркостью события.

Поскольку основной тон оды – восторг, а выразителем его является автор, то он же выступает и объединяющим эмоциональным началом, придающим торжественности, монументальности, пышности оды страстность, большой подъем. Это «парение мысли» и эмоциональность составляют одну из характернейших особенностей ломоносовской хвалебной оды.

Духовные оды создавались как философские произведения. Не религиозным содержанием наполнял их Ломоносов, он использовал сюжеты псалмов для выражения философских размышлений, чувств общественного и даже личного характера. В жизни ему приходилось отстаивать свои взгляды в жестокой борьбе с псевдоучеными, с религиозными фанатиками (это стало содержанием, например, сатирического «Гимна Бороде»). Поэтому в духовных одах развиваются две основные темы: несовершенство человеческого общества, одиночество самого поэта и человека вообще во враждебном ему мире и величие природы, которым поэт не только восхищен, но перед которым испытывает «священный ужас».

Однако в духе века Просвещения Ломоносов изображает человека не бессильным созерцателем, подавленным и сникшим, а разумным, мыслящим существом, способным проникнуть в тайны природы.

Могущество светлого разума несомненно для Ломоносова и в будущем, и в живой современности. До конца своих дней (умер он в Петербурге, в 1765 году) поэт не устал ратовать за идеи просвещения. Ученый посвящал вдохновенные поэтические произведения успехам отечественной и мировой науки. Неподдельная радость и гордость искрится в «Письме о пользе Стекла», в котором гений человека является свидетельством победы науки над невежеством и темнотой. Не сухой трактат о свойствах стекла, а волнение поэта-ученого воплощают строки этого произведения. Ломоносов передает пафос научных открытий и восхищение их практи-

ческими результатами. Его интересует не только изложение научных теорий, но и поэтическая сторона науки – вдохновенное творчество и полет фантазии.

Подлинным мастером Ломоносов предстал и в других – «средних» и «низших» – жанрах. Его перу принадлежат анакреонтические стихотворения, басни. Ломоносову-поэту были доступны формы «легкой» поэзии, ее стиль, пластика и неподдельная искренность чувства. В программном стихотворении «Разговор с Анакреоном» он выступает своеобразным, тонким лириком, достигает подлинности выражения личных переживаний, хотя анакреонтические мотивы не стали ведущими в его творчестве.

Поэзия Ломоносова, как и его научная, в том числе филологическая, деятельность, стала продолжением национальной политики Петра I, направившего страну по пути просвещения и прогресса. Пафос строительства запечатлелся в громозвучных песнопениях Ломоносова, лира которого, по словам П. А. Вяземского, «была отголоском полтавских пушек». Убежденный и «самобытный сподвижник просвещения», как назвал Ломоносова Пушкин, автор восторженных од пропел хвалу человеческому разуму и сам явился живым воплощением его дерзновенной мощи.

В. Коровин

Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния⁵¹

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов⁵²;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мешут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак⁵³
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?

⁵¹ Вечернее размышление о Божием величестве... – Северные сияния – их происхождение и природа – интересовали Ломоносова всю жизнь. Стихотворение сочинено в период его научных наблюдений над северными сияниями и содержит «давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может».

⁵² Там разных множество светов... – Во времена Ломоносова существовало мнение, что во Вселенной есть много населенных миров; против этой теории выступили церковники, с которыми Ломоносов и полемизирует.

⁵³ О вы, которых быстрый зрак... – эти слова обращены к ученым.

Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят⁵⁴;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны быют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

1743

⁵⁴ *Иль тучных гор верьхи горят...* – По тогдашнему мнению некоторых немецких ученых-натуралистов, огонь исландского вулкана Геклы, отражаясь от движущихся северных льдов, образует северные сияния.

«Лишь только днёвной шум замолк...»

Лишь только днёвной шум замолк,
Надел пастушье платье волк,
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкий сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полях и в рукавах связался,
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс не долго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

«1747»

**Ода на день восшествия на всероссийский
престол ее величества государыни
императрицы Елисаветы Петровны 1747 года⁵⁵**

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая

Когда на трон она вступила,
Как Вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец⁵⁶;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:

⁵⁵ Ода на день восшествия... Елисаветы Петровны 1747 года – Написана к шестилетней годовщине вступления на престол Елизаветы Петровны. Два события особенно волновали Ломоносова в это время. Летом 1747 г. был оглашен регламент Академии наук, который предусматривал преимущественные права русских ученых при занятии академических должностей. В течение 1747 г. шли переговоры России с Австрией, Англией и Голландией о посылке русских войск к берегам Рейна для войны с Пруссией и Францией. Ломоносов, признавая лишь оборонительные войны, ратовал за развитие отечественной науки и связывал наибольшие успехи науки с мирной, а не с военной политикой правительства.

⁵⁶ *Войне поставила конец...* – Имеется в виду победоносное окончание русско-шведской войны 1741–1743 гг.

О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою⁵⁷
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветер
Через яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попоранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился⁵⁸,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,

⁵⁷ Когда ты крест несла рукою... – 25 ноября 1741 г. Елизавета вышла к гренадерам Преображенского полка с крестом в руке и привела их к присяге; так начался дворцовый переворот, поставивший у власти Елизавету.

⁵⁸ В полях кровавых Марс страшился... – Этот и следующие стихи посвящены основанию Петербурга.

Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с того пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды⁵⁹.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубококом⁶⁰!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь⁶¹;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой⁶².
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась⁶³
С своим искусством пред Невой!

⁵⁹ *Полезны видеть их труды.* – Петр I замыслил создать Академию наук и вовлечь в нее выдающихся иностранных ученых.

⁶⁰ *Нас в плаче погрузил глубококом!* – Имеется в виду смерть Петра I, последовавшая в год основания Академии наук.

⁶¹ *Сомненный их смущался путь...* – Иностранные ученые после смерти Петра I колебались принять приглашение Академии наук, опасаясь за судьбу его просветительских идей...

⁶² *...Екатерина... приемлет щедрой их рукой.* – Открытие Академии наук состоялось 27 декабря 1725 г., в царствование вдовы Петра I – Екатерины I.

⁶³ *Давно б Секвана постыдилась...* – Секвана – латинское название Сены; здесь под Секваной Ломоносов имеет в виду Парижскую академию наук.

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь⁶⁴.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучашу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами

⁶⁴ *И к счастью отверзает дверь.* – Речь идет о регламенте Академии наук и об увеличении ее бюджета.

Твои взвевает знамена;
Но Бог меж льдистыми горами⁶⁵
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский⁶⁶ через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян⁶⁷,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,

⁶⁵ *Но Бог меж льдистыми горами велик своими чудесами...* – Во времена Ломоносова было распространено убеждение, что в теплых странах родится больше полезных ископаемых, чем в холодных; с этим мнением Ломоносов горячо спорил.

⁶⁶ *Колумб российский* – Витус Беринг (1681–1741), знаменитый русский мореплаватель, возглавивший экспедицию к берегам Дальнего Востока и Америки.

⁶⁷ *Там тьмою островов посеян...* – Имеются, вероятно, в виду Курильские острова.

Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием⁶⁸;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает⁶⁹
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов⁷⁰
Российская земля рождать.

Науки юношей питают⁷¹,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

⁶⁸ *И се Минерва ударяет в верьхи Рифейски копием...* – то есть наука изучает богатства Уральских гор и подчиняет их человеку.

⁶⁹ *О вы, которых ожидает...* – обращение к настоящим и будущим русским студентам Академического университета.

⁷⁰ *Невтон* – Ньютон.

⁷¹ *Науки юношей питают...* – В этой строфе Ломоносов, вероятно, использовал «Речь в защиту поэта Архия» Цицерона, в которой есть следующие слова: «... Эти занятия (имеется в виду словесность. – В. К.) юность питают, старость утешают, в счастье облагораживают, в несчастии доставляют убежище и утешение, радуют дома, не служат помехой в пути, вместе с нами пребывают ночью, в странствии, в деревне».

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Конец 1747

Похвальные надписи К статуе Петра Великого⁷²

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рождении к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал⁷³, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников собирал и обучал солдатом,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

1746–1747

⁷² К статуе Петра Великого – Отливка конной статуи Петра по проекту скульптора Карла Растрелли была закончена в 1746 г. Видимо, вскоре после этого и была создана Ломоносовым эта надпись.

⁷³ *Монаршу власть скрывал...* – Петр, скрывая свой сан, жил за границей в 1697–1698 гг. под именем «волонтера» Петра Михайлова.

Разговор с Анакреоном⁷⁴

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

⁷⁴ Разговор с Анакреоном. – Ломоносов перевел четыре оды Анакреона.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря⁷⁵ кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввести в республику порядок,
«Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград⁷⁶,
Ножом он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,

⁷⁵ И сим от Кесаря... – то есть от Юлия Цезаря.

⁷⁶ Зерном твой отнял дух приятной виноград... – По преданию, Анакреон умер, подавившись виноградным зернышком.

Упрямка славная⁷⁷ была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я⁷⁸,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.»

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой⁷⁹,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборы,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.
Дай из рос в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи.
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затей
В подбородок уместить
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отград

⁷⁷ Упрямка славная... – то есть упорство, энергия.

⁷⁸ Несходства чудны вдруг и сходства понял я... – Ломоносов имеет в виду Анакреона и Катона; их «несходства» – в разности жизненных целей, «сходства» же в том, что эти жизненные цели определялись у них моральными воззрениями.

⁷⁹ Мастер в живописстве первой... – Аппеллес, древнегреческий художник.

Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображение мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой⁸⁰;

Возвысь сосцы, млеком обильны,

⁸⁰ *И брови выведи дугой, что кажет после туч покой...* – то есть наподобие радуги.

И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильные,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображение сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать⁸¹.

Между 1756 и 1761

⁸¹ *И повели войнам престать.* – Имеется в виду Семилетняя война, в которой Россия принимала участие (1756–1763).

«Случились вместе два Астронома в пиру...»⁸²

Случились вместе два Астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд течение знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?»

Конец мая или июнь 1761

⁸² «Случились вместе два Астронома в пиру ...» – Установлено, что аргумент повара заимствован из книги французского писателя Сирано де Бержерака (1620–1655) «Иной свет, или Государства и империи Луны», а самый сюжет – из французской грамматики Ж. Р. де Пеплие.

**Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф,
когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии
для академии, быв много раз прежде за тем же⁸³**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Лето 1761

⁸³ Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф ... – Вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Последняя строка не имеет себе соответствия в подлиннике и сочинена самим Ломоносовым. Стихотворение написано в тот период, когда Ломоносов был занят хлопотами по делам Академического университета, в связи с чем ему и приходилось часто ездить к императрице.

Александр Сумароков (1717–1774)



«Сумароков, – писал Белинский, – был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем». При жизни и сразу после смерти Сумароков был признан едва ли не гениальным писателем, право которого на бессмертие никем из современников не оспаривалось. Его сравнивали с Расином и Лафонтеном и ставили в заслугу разнообразие литературных способностей. Но спустя полвека о Сумарокове отзывались и писали уже иначе. В глазах нового поколения, к которому принадлежал Пушкин, Сумароков – «слабое дитя чужих уроков», «завистливый гордец», «холодный» автор.

Столь же переменчивыми были и суждения о достоинстве разных жанров в наследии Сумарокова. Современникам особенно нравились трагедии писателя и его басни. В дальнейшем преимущество отдавалось сатирам и песням. Лишь басни всегда занимали традиционно высокое место.

Александр Петрович Сумароков родился в старинной и богатой дворянской семье. Его отец завершил воинскую карьеру в чине полковника, а гражданскую службу – действительным тайным советником; его деятельность протекала при нескольких императорах и императрицах – от Петра I до Екатерины II. Для Александра Сумарокова дух петровских преобразований навсегда остался памятным и возбуждающим к полезным для государства делам.

Первоначальное образование и воспитание Сумароков получил в семье под руководством отца, затем был отдан в открывшийся Сухопутный шляхетский корпус («рыцарскую академию») и окончил его в 1740 году. При выпуске был назначен адъютантом к вице-канцлеру графу Головкину, а после воцарения Елизаветы Петровны и падения Головкина стал адъютантом у графа Разумовского и оставался в этой должности более десяти лет. В 1756 году, уже в чине бригадира, он был назначен директором только что учрежденного постоянного Российского театра и проявил на этом посту необычайную энергию, взяв на себя все заботы о театре – от режиссерских и преподавательских вплоть до хозяйственных, включая составление афиш и объявлений. Из-за серьезных осложнений с придворной конторой театров Сумароков вынужден был уйти в отставку (1761). С этого времени он целиком посвятил себя литературе.

Когда к власти пришла Екатерина II, Сумароков встал в ряды ее приверженцев. Однако через несколько лет его отношения с императрицей настолько накалились, что писатель уехал в Москву (1769). Последние годы Сумарокова прошли в нищете, дом и имущество были проданы в уплату долгов.

Общественно-политические и литературные взгляды Сумарокова вполне созрели к 1750-м годам. Как большинство тогдашних дворянских мыслителей и писателей, Сумароков был охвачен пафосом созидания, направленным на укрепление самодержавно-крепостнического строя. Он считал, что благоденствие и процветание государства могло быть обеспечено только обладающим всей полнотой власти просвещенным монархом, который осуществляет попечение о пользе государства через дворян – первое сословие, «первых членов общества». Поэтому к монарху и дворянам Сумароков предъявляет высокие требования: «Не в титуле – в действии быть должно дворянином». Забота о крестьянах, с такой точки зрения, выступала одной из добродетелей дворянина. Сумароков осуждал продажу крестьян без земли.

Однако с годами Сумароков все более убеждался в том, что ни монархи, ни дворяне не следуют заповедям долга, чести и благородства. На этой почве возникла личная и творческая драма писателя: его идеал просвещенного государства и сложившаяся в соответствии с ним литературная «программа» потерпели крах. Сумароков не дождался воплощения своих мечтаний о гармоничном обществе, а надежды на воспитательную миссию литературы, способной, по его мнению, примирить гражданские и личные интересы, разрушились при столкновении с противоречиями жизни.

Литературная деятельность Сумарокова началась с сочинения любовных и пасторальных песен, принесших ему писательскую известность. В них Сумарокову удавалось искренне передать непосредственные чувства и различные их оттенки («Негде в маленьком леску...»). Его песни пользовались успехом. Интерес к этому жанру у Сумарокова не пропал и позже. К 1750–1770 годам созданы, пожалуй, лучшие его образцы («Тщетно я скрываю сердца скорби люты...», «Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой...»).

В песнях Сумарокова, к которым часть современников относилась насмешливо (например, Ломоносов), считая их безделками, может быть, наиболее сильно слышен его живой поэтический голос. Варьируя ритмы и добиваясь легкости слога, интонаций естественной разговорной речи, поэт пел о волновавших его счастливых или печальных настроениях. Простота

и наивность его чувств создавали впечатление незащищенности авторского «я», подвластного жизненным тревогам. Часто у Сумарокова «ум» как бы спорит с «чувством». Разум говорит поэту, что беды и горе – лишь досадные исключения в стройной системе бытия, но душа все-таки не находит в этом успокоения. И поэт готов чаще поверить своему сердцу, чем отвлеченному, рассудочному знанию. Открытость переживаний, искренность и живость интонаций удержали песенную лирику поэта в памяти многих поколений.

В 1740-е годы Сумароков написал несколько од, но наиболее значительные произведения этого жанра были созданы им позднее. В одах поэт горячо отстаивал гражданские идеи, защищая «общую пользу» и негодуя на тех, кто служит монарху не трудом, а лестью. В одах Сумарокова проявились несколько иные эстетические принципы, чем у его современника Ломоносова. Пышному великолепию, буйному метафоризму и «витийству» ломоносовских од Сумароков противопоставил ясность мысли и рационалистическую точность слова, нагую «естественность», очищенную искусством и преображенную в «прекрасную простоту». Однако сам поэт не вполне выдержал в одах означенные им правила. Заметно уступали по своему идейному звучанию ломоносовским переложениям псалмов духовные оды Сумарокова. В своих переводах поэт не допускал резких обличительных выражений и приглушал голос негодования.

В те же 1740-е годы Сумароков начал писать трагедии. Они сотворены по всем «правилам» классицизма, причем за образец был взят Расин. Как и в трагедиях Расина, у Сумарокова движущей пружиной стала любовная страсть. Тщательно соблюдались три единства – места, времени, действия; персонажи четко разделялись на положительных и отрицательных; характеры действующих лиц были статичными: каждое из них подчиняло свои поступки какой-либо одной страсти. Трагедии писались alexandrinским стихом (шестистопный ямб с парными рифмами) и содержали пять актов. В отличие от трагедий французского классицизма, в основе сюжета трагедий Сумарокова лежал не античный, а национально-исторический материал.

Основной конфликт трагедий состоял в борьбе «разума» со «страстью» и тяготел к победе общественных начал над личными интересами. Тем самым трагедии внушали зрителям понятия о гражданской добродетели и воспитывали их гражданские чувства. Отсюда возникала политико-публицистическая и дидактическая направленность трагедий. В них тщетно было бы искать признаков живой жизни и свободного театрального действия, но просветительская и общественно-воспитательная роль их чрезвычайно значительна.

Те же воспитательные цели преследовали комедии Сумарокова. В них высмеивались общественные и частные человеческие пороки. Особенностью комедий Сумарокова была, во-первых, их служебная роль (они являлись добавлением, привеском к трагедии) и, во-вторых, портретность и памфлетность. Сумароков намеренно сочинял комедии «на лица». В некоторых комедиях драматург колоритно изображал быт помещенных дворян, живые нравы своего времени, и это оказало влияние на последующих писателей – В. И. Лукина, Д. И. Фонвизина и др.

Значительно глубже по своей политической и сатирической остроте были созданные Сумароковым притчи (басни). Им написано около четырехсот басен. В баснях преобладают простой язык, близкий к разговорному, живые жанровые сценки и картинки нравов, грубовато-правдоподобный быт и гротеск, проявляющийся в резком столкновении высокой книжной лексики с нарочито просторечной.

Басенный мир, по представлению Сумарокова, – «превратный свет», в котором все персонажи заражены глупостью. Только рассказчик наделен истинным разумом. Указывая пороки басенных героев (невежество, презрение к родному языку, распущенность, мотовство, разорительное модничанье, жадность, взяточничество, обман и т. д.), он стремится довести их до карикатурности и вызвать у читателя смех, побуждающий к исправлению недостатков. Краски грубого натурализма и гротеска Сумароков заимствовал из лубочной комической народной

литературы и фольклора. Басни Сумарокова Н. И. Новиков назвал «сокровищем российского Парнаса».

Обличительное начало, столь сильное в творчестве Сумарокова, содержалось и в его сатирах, многие из которых стали манифестами русского просветительства и носили программный характер. Писатель освещал различные стороны социальной действительности, мужественно сражался с общественным злом и людской несправедливостью («Доколе дряхлостью иль смертью не увяну, Против пороков я писать не перестану!»). Сатирическое начало все более крепло в творчестве Сумарокова, и одновременно все более искренним в своей горестной тоске становился его лирический голос.

При жизни Сумароков заслужил уважение Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, а лучшие его произведения, к числу которых нужно отнести трагедию «Дмитрий Донской», лирические песни, «Хор ко превратному свету», басни, сатиры «О благородстве», «Пиит и Друг», пережили свое время.

В. Коровин

Две эпистолы Эпистола II (о стихотворстве)

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка⁸⁴ имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,
Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен⁸⁵ не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий⁸⁶ и Расин, Дедро⁸⁷ и Молиер⁸⁸,
Де Лафонтен⁸⁹ и где им следует Вольтер.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств ни правил
И, правильно письма не смысла сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Преславного Дедро прекрасная сатира
Подвигла в Севере разумна Кантемира
Последовать ему и страсти охуждать;
Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
Пермесских голос нимф был ввек его утеха,
Стремился на Парнас, но не было успеха.
Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
Однако был Пегас всегда под ним ленив.
Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой словенского народа⁹⁰,
Что в красноречии касалось до него,
Достойного в стихах не создал ничего.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.

⁸⁴ Гудок – старинная трехструнная скрипка.

⁸⁵ Шапелен – Шаплен.

⁸⁶ Корнелий – Корнель.

⁸⁷ Дедро – Буало-Депрео.

⁸⁸ Молиер – Мольер.

⁸⁹ Делафонтен – Жан де Лафонтен.

⁹⁰ Разумный Феофан, которого природа Произвела красой словенского народа... – Имеется в виду Феофан Прокопович, писатель, сподвижник Петра I.

Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться, где велят.
Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единых охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно всё, когда искусства нет,
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает
Противу сил своих и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.